

Р I 1442533
ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

В КОМПЬЕНСКОМ ЛЕСУ

Перевод Д. Л. КАРМЕН

Журнально-газетное объединение
Москва—1934

Около семи часов утра поезд останавливается. Железнодорожные служащие поднимают занавески; за ними—группы высокоствольных буков и густой кустарник. Ни жилья, ни станционного здания—поезд стоит среди густого леса. На параллельном пути, шагах в пятидесяти-восемидесяти, стоит еще один поезд с белыми заинделелыми крышами—точно такой же состав.

Кельнеры, подающие завтрак, говорят по-немецки. Эрцбергер спрашивает одного из них, как называется ближайший город. Тот поводит плечами и говорит:

— Я из северной Франции и этой местности не знаю.

Эрцбергер спрашивает проводника и получает такой же уклончивый, предписанный ему высшим командованием ответ. Генерал фон Винтерфельд полагает, что они находятся в Компьенском лесу.

После завтрака в вагоне появляется принц де Бурбон и сообщает: «Маршал Фош готов принять немецких парламентариев в девять часов».

У делегатов еще много времени. Эрцбергер возвращается в купе и чистит костюм, остальные также приводят в порядок костюмы. Офицеры прикрепляют ордена и почетные знаки, а фон Винтерфельд рядом с немецкими знаками отличия—крест Почетного легиона, полученный им в связи с автомобильной катастрофой во время французских маневров.

Граф Оберндорф сидит в салон-вагоне и набрасывает проект предложения о немедленном заключении перемирия на всех фронтах. За несколько минут до девяти за ними приходят.

Они пробираются гуськом по проложенным на влажной земле доскам к поезду—штабу главнокомандующего союзными армиями. Это три обыкновенных «международных» вагона.

В вагоне-кабинете маршала Фоша стоит большой стол, у каждой стороны стола—по четыре стула. Немецкие представители останавливаются за спинками стульев; их просят обождать.

Фон Винтерфельд всматривается в оставленные на столе карты генерального штаба союзников. Беглым взглядом он охватывает несущественные изменения у Вердена и отмеченные стрелками и штриховкой продвижение союзных армий на остальных фронтах. Из этих карт ему удастся установить, что отступление немецких сил на ловкие укрепленные позиции проведено.

Ровно в девять за стеклянной стеной, отделяющей конец вагона, появляется несколько человек. Вслед

за тем раскрывается дверь. Они входят—два французских офицера и два англичанина—в адмиральской форме, сопровождаемые переводчиками и орд шарцами.

Один из французов—маленький человек лег семидесяти—подносит руку к козырьку для сдержанного поклона—это маршал Фош.

Немецкие делегаты кланяются.

Порядок церемонии предусмотрен во всех деталях. По знаку маршала переводчик предлагает Эрцбергеру предъявить полномочия.

Эрцбергер протягивает через стол документы.

Переводчик принимает и передает их маршалу. Маршал со своим начальником штаба и одним из английских адмиралов удаляются за стеклянную стену для проверки документов. Все прочие остаются в вагоне. Они отворачиваются и смотрят в окно.

Немцы ждут, стоя за спинками стульев.

Довольно скоро Фош возвращается.

Он просит Эрцбергера через переводчика познакомиться его с остальными членами делегации.

Эрцбергер представляет их по очереди.

Генерала Винтерфельда Фош безусловно встречал во время больших осенних маневров. Да и граф Оберндорф был ему представлен на одном из официальных приемов в Париже. Но он не подает виду, что узнал их.

Он знакомит их с представителями Антанты.

— Адмирал сэр Вимайс, адмирал Хоп, генерал Вейган, офицер-переводчик Лаперш.

Обе делегации занимают места.

Фош со своим начальником штаба Вейганом и первый английский адмирал сэр Вимайс со своим начальником штаба Хопом—по одной стороне, переводчик Лаперш—в конце стола.

Двое остальных офицеров садятся за маленький соседний столик, а все прочие уходят обратно за стеклянную стену.

— Что привело вас, господа, сюда? Что вам от меня угодно?

Эрцбергер отвечает:

— Немецкая делегация прибыла для получения предложений союзных властей относительно перемирия на суше, на воде, в воздухе, на всех фронтах и во всех колониях.

— У меня нет никаких предложений!

Граф Оберндорф обращается к маршалу:

— Какую форму обращения предпочитает маршал? Я не обращаю внимания на обороты речи; я хотел бы только сказать, что делегация желает получить предложения о перемирии.

— У меня нет никаких предложений!—повторяет Фош.

Оберндорф берет в руки ноту президента Вильсона.

— Мы явились на основании полученной нами от президента Вильсона ноты от 5 ноября 1918 года.

Он зачитывает ноту в английском тексте:

«...что маршал Фош уполномочен правительством Соединенных штатов и правительствами Антанты при-

нять облеченных доверием представителей германского правительства и осведомить их об условиях перемирия».

— Я уполномочен осведомить об этих условиях, если немецкие делегаты добиваются перемирия. Вы добиваетесь перемирия? Если вы добиваетесь перемирия, я могу вам сообщить условия, на которых оно могло бы быть достигнуто.

— Мы добиваемся перемирия! — повторяет Оберндорф продиктованную формулу.

— Мы добиваемся перемирия! — повторяет Эрцбергер.

— Я попрошу зачитать условия.

Генерал Вейган раскрывает папку с условиями перемирия. В подавляющей своей части—это произведение самого маршала, еще за месяц до переговоров представленное премьеру Французской республики Жоржу Клемансо.

Фердинанд Фош:

В момент возникновения войны—генерал, командующий в Нанси. Месяц спустя отозван в Шампань, где ему удается под немецким огнем восстановить одну из военных частей и сомкнуть тридцатикилометровый прорыв французского фронта. После того как наступление на Париж было остановлено и немцы отброшены за Марну, Фоша направляют на север. В качестве адъютанта верховного главнокомандующего Жоффера он собирает разгромленные бельгийские и французские полки и на некоторое время оставляет их во Фландрии. Одновременно, открыв шлюзы у Ньюпор-

та, он заливает водой места расположения противника, и благодаря этому второе наступление—на Калэ и побережье канала—застревает в болоте.

В оборонительных операциях Фош проявил себя как опытный стратег.

В наступлении же он оказался слабым.

После поражения у Соммы главнокомандующий Жоффр уходит, а вместе с ним и Фош, отныне устраненный от всяких военных операций. Все же Фош остается на театре военных действий. Получив затем ответственные задания, он в качестве военного консультанта при правительстве опять переводится в Париж.

Он советовал выждать, пока Америка пришлет достаточно людей и материалов, пока равновесие сил будет восстановлено, и тогда только предпринять общее наступление всех союзных сил.

Этих двух тенденций он неизменно придерживается. На конференциях, в нотах он постоянно ставит перед союзными правительствами требование единого верховного командования.

И лишь весной 1918 года, когда решающая позиция Амьен—район стыка с английскими войсками—грозила попасть в руки немцев (Англия уже выслала суда для эвакуации войск), осуществился один из пунктов его программы—единое командование. И Фош был назначен главнокомандующим.

Клемансо позднее рассказывал подробности назначения Фоша:

«Я взял первого попавшегося. В Дуллансе у меня было два кандидата. Один мне доказывал, что наше положение безнадежно. Второй метался, как сумасшедший, и рвался в бой. Тогда я подумал: «Попробуем с Фошем, по крайней мере падем с оружием в руках!»

«Спокойного, благоразумного кандидата я отпустил—это был Петэн. Сумасшедшего я взял—это был Фош. Этот сумасшедший нас выручил».

Спустя сорок минут после получения назначения Фош уже прибыл в главный штаб ближайшей французской армии, в сорока километрах от Парижа. Здесь состоялось заседание. Завтрак. А вечером он посетил всех командующих армиями и дал им новые указания. Поздно ночью он имел совещание в Париже. На следующий день он опять был на фронте. Через неделю наступление немцев было сломлено.

Происходит ряд неуверенных наступлений немцев во Фландрии, у Реймса, снова у Реймса.

Фош ограничивается обороной.

Он выжидает, несмотря на перевес на западном фронте и людьми и снаряжениями, несмотря на нажимы нетерпеливого Клемансо, несмотря на растущую панику во Франции, выжидает, пока благодаря приходу новых сил из Америки и со всего света растущий с каждым днем перевес над истощающей себя самое Германией не становится абсолютным.

И только тогда он начинает бить.

В июле 1918 года из Компьенского леса—того самого леса, в котором сейчас идут переговоры о перемирии,—

выступают резервы, составленные Фошем в строжайшей тайне.

Немцы терпят поражения.

Их окружают у Марны, у Мондидье, Розьера, у Армантье, у Сан-Мишеля. Захватываются позиции Гинденбурга. За ними позиции Гундинга. Инициатива действия от немцев перешла к союзникам. И пятого октября Людендорф требует от немецкого правительства немедленного перемирия. Союзники еще не переходят в наступление по всему фронту, но продвижение вперед от Фландрии до Лотарингии с частичными наступлениями не прекращается ни на одном пункте. Союзники гонят все 200 дивизий немецкой армии. И в течение трех месяцев они забирают 7 990 офицеров, 355 000 солдат, 6 215 орудий и 38 622 пулемета.

Уже больше нет никакого серьезного сопротивления.

И Фош проектирует переход союзников через Рейн, прорыв южного итальянского фронта, поход на Берлин и классическое окончание войны в сердце побежденной страны, генеральное сражение у Лейпцига или Дрездена, завершающее четырехлетнюю борьбу.

В то же время он вырабатывает условия перемирия.

Он посылает председателю министров Клемансо проект, который, как и все, что проходит через его упрощенный, математический ум, может быть сведен к одной короткой формуле: «Le Rhin!»—он резко произносит это слово. «Словно троекратный удар барабана»—утверждает Клемансо. Рейн стал центральным

пунктом фошевских условий для перемирия. Рейн должен в будущем стать государственной границей!

Этот односложный, ужасающе простой лозунг Фоша гремел в ушах его военных сотрудников, государственных мужей Антанты, полководцев союзных армий, всех ответственных лиц.

И он продвинул все существеннейшие пункты своих требований вопреки благоразумным предупреждениям британского маршала Хэга, раздумиям Пуанкарэ и колебаниям Ллойд-Джорджа, не считающим немецкие армии столь разбитыми, чтобы можно было предложить им такие жесткие условия, вопреки советам государственных деятелей, опасаящихся, что, в случае отклонения Германией тяжелых условий перемирия и одновременного настаивания на четырнадцати условиях Вильсона, можно ожидать в странах союзников революции и падения власти.

Посреднической роли Вильсона приходит конец.

Центр тяжести переговоров переносится в Европу.

Условия перемирия вырабатываются в Париже представителями союзных государств, которые не находят причины не принять четырнадцати пунктов Вильсона как основу для мирных переговоров, но которые сохраняют за собой право тот или другой из пунктов заострить или переработать.

С каждым заседанием все растут требования, которые должны быть поставлены Германии. Франция хочет вечных экономических и военных гарантий против своего исконного врага, Англия желает уничто-

жения германских колоний и роспуска немецкого флота. Представители двадцати восьми союзных государств сидят за переговорным столом, и каждый из них со все растущей алчностью требует своей доли в добыче, которую предстоит делить.

Лишь Клемансо предупреждает против невыполнимых требований, напоминает о «прямолинейном, примитивном характере солдат», в простых формулировках которых он видит будущие осложнения. Он не предоставляет и победоносным генералам более или менее решающего права вмешательства в политику, а маршала Фоша, требующего себе в штаб влиятельное лицо из министерства иностранных дел и желающего обеспечить себе решающую роль в окончательных мирных переговорах, он вводит в границы чисто военных функций. Фош как солдат обязан принимать приказания своего правительства и выполнять их. Ему поручается только ознакомить немецких делегатов с условиями перемирия.

И вот они здесь сидят: представитель старой дипломатии—генерал, морской офицер из императорского штаба и, в качестве представителя нового парламентского правительства, католический рабочий лидер и оппозиционный депутат парламента. Вот они сидят—представители Германии—по ту сторону стола и выслушивают условия, которые читает им генерал Вейган, преданнейший и лояльнейший сорудник Фоша:

«Прекращение военных действий спустя шесть часов после подписания перемирия. Немедленная эвакуа-

ция Бельгии, Франции, Эльзас-Лотарингии, Люксембурга...

Сдать:

2 500 тяжелых орудий,

2 500 полевых орудий,

30 000 пулеметов,

3 000 минометов,

2 000 самолетов.

Эвакуация левого берега Рейна; Майнц, Кобленц, Кельн будут заняты по радиусу в 30 километров в глубь страны. По правому берегу Рейна устанавливается на расстоянии 30—40 километров в глубь нейтральная зона. Очистка этой зоны в течение одиннадцати дней. С левого берега Рейна ничего не должно быть вывезено; все фабрики, железные дороги, средства связи, улицы, пароходные сообщения, телефонные и телеграфные установки—все должно оставаться нетронутым...

Сдать:

5 000 паровозов,

10 000 вагонов,

10 000 товарных вагонов...

Содержание оккупационных частей за счет Германии. На востоке все войска возвращаются к границе, установленной к 1 августа 1914 года.

Отказ от Брест-Литовского мира.

Отказ от Бухарестского договора.

Безоговорочная капитуляция в Восточной Африке.

Возвращение капиталов Бельгийскому банку, возвращение русского золота...

румынского золота...

военнопленных без обмена ими.

Сдать:

100 подводных лодок,

8 легких крейсеров,

6 дредноутов.

Остальные суда должны быть разоружены и переведены союзниками в нейтральные или союзнические гавани.

Все батареи и форты в Каттегате занимаются союзниками.

Все ограничения для судоходства нейтральных стран отменяются.

Блокада остается в силе. Немецкие суда и впредь могут захватываться...»

Слышны лишь монотонный голос главнокомандующего союзных армий и шуршание бумаги при перелистывании. Недвижно застыли немцы на своих местах. Не успеют они освоить смысл одного пункта, как новое положение оглушительным ударом врывается в их сознание.

Один только Эрцбергер удосуживается делать какие-то наблюдения.

На лице первого английского адмирала он замечает выражение подчеркнутого равнодушия, которым тот старается прикрыть свое волнение, обнаруживая его нервным перебиранием роговых очков. Эрцбергер всма-

тривается в лицо маршала; этот ни одним мускулом не выдает себя. Лишь при чтении пункта о сдаче немецкого флота Фохс энергичным движением щиплет нависающий ус.

Рейн и укрепления мостов по правому берегу Рейна важны для него.

Что же касается условий войны на море, он неоднократно предупреждал Клемансо против чрезмерной жестокости некоторых союзников при выработке условий перемирия на море. Он сам присутствовал при том, как Ллойд-Джордж оспаривал мнение своих военных специалистов в вопросе о сдаче немецкого флота. Да, да, это было на главном заседании совета союзных правительств. И только после сообщения из Вены о капитуляции Ллойд-Джордж восстановил полностью эти требования.

Генерал Вейган окончил чтение.

Переводчик Лаперш повторил текст.

И немцы вторично прослушали условия, обезоруживающие их страну и вычеркивающие ее из числа великих держав. Ничего не значит, что немецкие войска два раза стояли под Парижем. Ни к чему все жертвы у Вердена, на Сомме, на болотистых возвышенностях Фландрии. Учитываются не затраченные силы, а успехи.

Бросить бы на чашку весов еще сохранившийся резерв! Козырнуть бы еще не сломленными резервами, чтобы добиться уступки!

Но у Германии нет больше резервов.

Генерал фон Винтерфельд хватается за последнюю весьма сомнительную надежду, родившуюся в нем при виде карты генерального штаба на столе маршала. Немецкое отступление пройдет удачно! Отступление должно быть удачным! Условия неприемлемы!

Условия неприемлемы!

Так думает и Оберндорф.

Так думает и Ванзелов.

Но эти четыре человека, сидящие за столом, знают, что за их спиной стоят разгромленные дивизии и разложившийся, изголодавшийся народ. Нет больше ничего, что можно было бы противопоставить этим тяжелым условиям.

Немцы молча скользят взором по лицу с безбровыми глубоко-сидящими глазами, затем мимо, сквозь окно, по тощим, оголенным, качающимся на ветру стволам деревьев.

Голос Эрцбергера выводит их из оцепенения.

Эрцбергер просит у маршала разрешения радиогаммой сообщить имперскому канцлеру и в генеральный штаб условия перемирия.

Фош отклоняет радиопередачу: — Шифром — пожалуйста, или через курьера, как угодно.

Эрцбергер просит двадцать четыре часа на размышление.

Фош отклоняет.

Эрцбергер просит о временном прекращении военных действий.

Фош отклоняет временное прекращение военных действий.

Эрцбергер говорит о состоянии немецкой армии, о разложении, о революционном духе, который, благодаря лишениям, проникает в страну. Он напоминает о трудностях, бывших на пути делегатов, когда они пробирались сквозь немецкую армию к передовой позиции.

Он говорит неуверенно, нащупывая; только собравшись с мыслями, бросив последний козырь, имевшийся, как ему и его собратьям казалось, в их руках, он находит обычную уверенность и даже несколько предостерегающий тон.

— Учитывая все эти обстоятельства, я предугадываю надвигающийся взрыв большевизма в Германии. А если уж Центральную Европу захлестнет этот поток, то Западной Европе будет стоить величайших усилий оградить себя от него. Только сдержав натиск союзных войск, можно было бы восстановить дисциплину в немецких войсках и порядок в гибнущей стране.

Фош не дает договорить переводчику. Движением руки он прерывает его и говорит:

— Нельзя остановить военные операции до тех пор, пока немецкая делегация не приняла и не подписала условий перемирия. Что же касается состояния немецких войск, описанного господином Эрцбергером, и опасности большевизма то это неизбежная болезнь разбитых армий и ~~утомленных~~ ~~исполненных~~ ~~утомленных~~ ~~исполненных~~ утомленных и исполненных

наций. Западная Европа позаботится о том, чтобы оградить себя от этой опасности.

Фон Винтерфельд просит слова.

И он не возражает против прочитанных условий. Он только хотел бы от имени немецкого главного командования зачитать вышеприведенное пояснение:

«...Условия перемирия требуют с нашей стороны тщательной проверки. Эта проверка займет некоторое время, особенно потому, что необходимо будет узнать точку зрения нашего правительства и высшего военного управления. Борьба между нашими армиями за это время будет продолжаться и неумолимо повлечет за собой многочисленные жертвы в войсках и среди мирного населения. А между тем этих последних жертв можно было бы избежать на благо их семей. Исходя из этих обстоятельств, германское правительство и немецкое высшее военное управление имеют честь повторить предложение, переданное позавчера по радио. А именно: маршал Фош благоволит дать согласие на немедленное временное прекращение военных действий на всех фронтах. Последнее может начаться сегодня в определенный час, а детали могли бы быть выработаны в возможно скорый срок».

Фош упорно отклоняет.

Однако он вспоминает о личном знакомстве с двумя сидящими против него членами делегации, и ему удается придать своему тону миролюбивый оттенок:

— Я главнокомандующий союзных армий и представитель союзных правительств. Эти правительства по-

ставили свои условия. Я не прочь притти к какому-нибудь заключению и буду вам' содействовать по мере возможности. Но прекращение военных действий не может последовать раньше, чем условия перемирия не подписаны.

Три четверти часа продолжалось заседание.

Генерал Вейган захлопывает портфель. Сэр Вимайс окончательно прячет роговые очки в футляр. Делегации оставляют места.

Маршал, обращаясь к немцам, добавляет:

— Переговоры по вопросу об условиях ни при каких обстоятельствах допущены не будут. Германия может их принять или отклонить, иного пути нет.

Немцы возвращаются к своему поезду.

Они тут же устраивают совещание.

— Неприемлемы!—На этом все сходятся. Но что можно противопоставить этим условиям? Эгого никто из них не знает. Фон Винтерфельд сообщает остальным свои выводы из того, что он видел на карте генерального штаба на столе маршала:

— Немецкое отступление прошло удачно...

Так как ничего более отрадного нет, он хватается за этот факт. И остальные пытаются черпать надежды отсюда.—Ну, хорошо, немецкое отступление проведено удачно,—соображает Эрцбергер,—но ведь это не может служить аргументом в наших переговорах! Нет, этого несомненно мало. Во всяком случае мы выиграли для переговоров две недели. Именно столько должно пройти при разрушенном состоянии дорог, пока фран-

цузы смогут перебросить свою артиллерию, и столько же времени мы сможем оставаться на теперешних позициях.

— Но высшее командование настаивает на немедленном заключении перемирия!

— А также и правительство в Берлине!

В конце концов делегатам остается единственная возможность—послать с курьером в главный штаб текст условий перемирия, а пока составить радиogramму с сообщением, что делегации переданы условия перемирия, которые должны быть или приняты или отвергнуты до 11 часов понедельника.

Генерал Вейган докладывает маршалу о пожеланиях немецкой делегации.

— Ладно,—отвечает тот.—Примите все меры, гарантирующие переход парламента через линию огня.

Он также разрешает передачу радиogramмы верховному германскому командованию и допускает дополнительные беседы с генералом Вейганом и адмиралом Голе, о которых просил Оберндорф, фон Винтерфельд и Ванзелов.

— Эти собеседования могут ускорить нашу работу, но вы со всей четкостью укажите на то, что они должны лишь быть обменом мнений, а отнюдь не началом переговоров, и что они имеют целью дать немецким делегатам необходимые разъяснения, чтобы они, выставляя свои пожелания, правильно ориентировались в положении вещей. После этого срока они

должны представлять в письменной форме свои вопросы или просьбы.

Затем Фош диктует очередной приказ по войскам: «Уничтоженный нашими многочисленными атаками враг отступает по всему фронту. Необходимо продолжать и ускорять наступление. Апеллирую к энергии и инициативе командования и войск в надежде, что они сумеют сделать решающими достигнутые нами успехи».

Маршал убежден, что этот боевой приказ по войскам будет последним; все, что последует за этим, зависит от дальнейшего развертывания победы. Он всматривается в своего начальника штаба, низкорослого уродливого Вейгана—его лойяльнейшего сотрудника, не покинувшего его и в момент опалы. Порывистым движением он поднимается со своего места.

Вейган откладывает карандаш и тоже встает.

Даже и в этот момент Фош старается не уронить своего достоинства, которое он превратил почти в культ. Сейчас он выражает свою сановитость широкой улыбкой, сощуренным взглядом, а усы его еще более щетинятся над ртом, набитым старыми желтыми зубами.

Затем он переходит к следующему вопросу:

— Сообщение в Париж передано?

— Да, генералу Мордаку. Мордак уведомил о нем Клемансо и тотчас получит ответ.

— Еще что?

— Больше ничего.

— Тогда я еду в Санли.

Вейган помогает своему начальнику натянуть пальто и провожает его к поджидающему грузовику, на котором Фош едет в Санли, в свою уединенную резиденцию—замок Бельгар.

* * *

На следующий день, девятого ноября, Клемансо покидает улицу Св. Доминика, чтобы навестить маршала Фоша.

Нет более разительного контраста, чем бурлящий всеми потоками сегодняшнего дня и всеми настроениями Франции и двадцати семи ее союзных государств дом на улице Св. Доминика, переполненный генералами, послами, депутатами, иноземными эмирами, военными поставщиками, журналистами, проповедниками, монашками, просителями, советниками, депутациями,—и лежащий в монашеском уединении замок Бельгар, где с небольшой группой офицеров расположился Фош. Нет большего контраста, чем сгруппировавшийся вокруг Клемансо экзальтированный клубок национальных и международных организаций, одинаково возбужденных каждой победой и каждым поражением, и—как часовой механизм работающий аппарат главной квартиры Фоша.

Фош точно распределяет свой день по часам; он встает летом в шесть, зимой в семь и за все время войны он одну только ночь провел без сна. Клемансо же часто не смыкал глаз. И в то время как маршал

в шесть часов утра уже стоял в деревенской кирхе и при молитве: «Свят, свят, свят господь воинства» благоговейно вздымал очи, Клемансо еще сидел над мучительными планами за своим подковообразным, заваленным бумагами рабочим столом.

Жизнь Фоша шла прямолинейно. Основы стратегии, усвоенные им когда-то в военной школе, он применял в нынешнюю войну. И текущие со всего света массы людей и снаряжения, которыми его обеспечивала политика Клемансо, должны были неминуемо принести ему победу.

Клемансо никогда не мог идти прямыми уверенными путями и никогда им не руководила слепая вера в удачу. Это был сосуд, чутко впитывавший все: любое колебание общественного мнения, любое изменение в парламенте, нерешительность военного командования, неустойчивость кабинета, несостоятельность какой-нибудь союзной державы, он строил могущество из материала, который—от глубочайшего отчаяния при поражении до обманчивого торжества при победе—проходил все стадии человеческой несостоятельности.

И сейчас у него нет такой уверенности, как у Фоша, в правильности драконовских условий перемирия. Слишком отчетливо он чувствует растущие во Франции и в странах союзников антивоенные настроения. И он прекрасно знает, какая буря поднимется против его правительства и правительств союзников, если немцы отвергнут условия перемирия. Если американские генералы и желают продолжать войну, то народам Европы,

надоело—с них хватит. Стоит лишь вспомнить французских синдикалистов, этого дурака Мальви, которого пришлось устранить из-за его мягкости в рабочем вопросе. А в Италии? А в Англии? Всюду одинаково! Всюду пораженцы!

А тут еще Вильсон со своими четырнадцатью пунктами!

Все это гораздо больше того, что может вместить в себе солдатский мозг.

Когда Мордак днем раньше сообщил, что немецкие делегаты в принципе согласились с условиями перемирия, Клемансо растерянно посмотрел на генерала, провел рукой по лысому черепу и ладонью прикрыл глаза. И Мордак увидел, как этот человек, которого они звали тигром, сдержанно плакал.

Но он быстро овладел собой и с запальчивостью произнес:

— Это абсурд! У меня просто разыгрались нервы. Но это выше моих сил. Внезапно опять предстал передо мной 1870 год, поражение, позор, потеря Эльзас-Лотарингии! И все это будет смыто? Не сон ли это?

Сейчас он с Мордаком на пути в Санли. На нем плотный плащ, торчащая шляпа. Ему семьдесят восемь лет, и к тому же у него сахарная болезнь. Все же он со своей коренастой фигурой, глубоко между плеч лежащей головой и короткими руками воплощает концентрированную энергию. Сейчас он спокоен и сидит откинувшись на подушки экипажа. Сквозь полужакрытые веки он видит мелькающий ряд высоких вязов,

окаймляющих улицу, и почти не слышит того, что говорит ему Мордак об условиях перемирия и о том, что необходимо, по его мнению, продолжать войну. Конечно, войска изнурены. Но немецкие войска истощены еще больше. Нельзя прекращать войну, именно теперь—нельзя. Сейчас необходимо добиться того, что неминуемо было бы достигнуто в результате намеченного наступления.

Клемансо уже знаком с этой точкой зрения.

То же самое высказывал ему и американский генерал Блисс. Блисс—всего один голос. Мордак тоже один голос, всего—два. Против—вся Франция, против—Европа, против—Америка, за исключением генералов и военных поставщиков.

Экипаж прибыл в Санли. Он остановился перед лежащим в стороне замком Бельгар.

Клемансо зашагал к дому. Его шаги гулко отдавались по аллее. В аллеях, на лестницах, в передней царит тишина. У Клемансо как будто явилась потребность нарушить как-нибудь леденящий покой этого дома. Завидев одного из штабных офицеров, он уже издали приветствует его. Оглушительным голосом он задаст ему несколько вопросов личного характера.

Затем он в комнате маршала.

Бумагами покрытый стол; на стенах развешаны карты: одна—восточные границы Франции, вторая—большая карта Европы. Собственно говоря, канцелярия—солдатская конура, кабинет тюремного начальника или что-либо в этом роде!

Господин премьер-министр Клемансо, в личном кабинете которого стоит гигантский подковобразный стол Luis XVI; у которого стены доверху заставлены редчайшими книгами и литературными ценностями; который всегда окружен старинными гравюрами, буддами, китайскими скульптурами, символами древнейших времен,—не может всякий раз без удивления переступить порог рабочей комнаты первого маршала Франции.

Дверь раскрывается, и входит Фош.

— Итак, они условия приняли?—говорит Клемансо, не дожидаясь поклона.

— Да, они их приняли,—отвечает Фош корректно.—Я сам был поражен, что они так легко приняли эти условия, условия о мостах, о блокаде, о полном разоружении флота...

Оба садятся.

Мордак придвигает себе третий стул к столу.

— В принципе они все приняли. Лишь некоторые возражения они хотят представить письменно и на всякий случай перед подписанием отправить донесение своему правительству. Но они изменились в лице, когда заговорили о сдаче пушек и пулеметов. Эрцбергер воскликнул:—Теперь мы пропали! Как же нам защищаться против большевизма? А несколько погодя он опять прибавил:—Но вы понимаете, что вы и нас и себя губите, отнимая у нас средства для борьбы с большевизмом?

Ни Клемансо, ни Фош в эту минуту не думают

предъявлять немцам еще более жесткие условия. Клемансо опять вспоминает 1870—1871 годы, проигранную войну, потерю Эльзас-Лотарингии. А Мордак опять настаивает на продолжении войны. Назначенное на 14 ноября наступление, по его мнению, должно во что бы то ни стало быть выполнено.

Клемансо обращается к маршалу:

— Я спрашиваю вас как военного: считаете ли вы политической и стратегической ошибкой предоставление немцам перемирия в данную минуту?

— Я в этом вижу только выгоду. Продолжать войну—значило бы вести рискованную игру. Мы, вероятно, потеряли бы еще 50 или 100 тысяч французов, не считая союзников, и все это—во имя весьма проблематичных выгод. Уже, к сожалению, довольно пролито крови.

— Я совершенно согласен с вами, маршал!

Фош еще зачитывает свой приказ по войскам, который Клемансо выслушивает, одобрительно качая головой.

— Хорошо,—говорит он.—От немцев всего можно ожидать.

В это самое время немецкие делегаты в своем железнодорожном вагоне в Компьенском лесу сидят над тридцатью четырьмя пунктами продиктованных им условий перемирия. На каждый пункт они составляют свое контрпредложение. Особенно они настаивают на продлении сроков для эвакуации, на оставлении им 5 тысяч пулеметов для борьбы с «вну-

треним врагом», на немедленном снятии блокады, на свободном уходе немецких войск в восточной Африке.

За этой работой их застает вечер.

Свои контрпредложения они передают генералу Вейгану.

Они находятся в удрученном состоянии. Они даже не решаются громко разговаривать или говорят лишь о посторонних вещах, так как приставленная к ним прислуга понимает по-немецки.

Около семи распахивается дверь. Французский офицер бросает им в вагон:—Кайзер отрекся от престола!

Эта весть несмотря на шедшие еще при них разговоры об отречении приходит так неожиданно и кажется им настолько необычайной, что они отказываются ей верить. А фон Винтерфельд заявляет:

— Это — французы, они мистифицируют нас!

Это предложение разделяют все кроме Эрцбергера. Даже французские газеты, принесенные им час спустя, в которых крупными заголовками извещается об отречении кайзера и о вспыхнувшей в Германии революции, они считают поддельными: они полагают, что соответствующая часть текста составлена специально для того, чтобы ввести их в заблуждение. Лишь постепенно у них созревает мысль, что кое-что в этих сообщениях, возможно, правдиво.

На следующий день, в воскресенье 10 ноября, у них вторая беседа с Вейганом; в полдень появляются

еще три офицера из главного штаба и приносят им точные сведения о перевороте в Германии. После обеда Эрцбергер и Оберндорф совершают прогулку неподалеку от своих вагонов, отгороженных постами. А затем эти четыре человека опять сидят вместе и просматривают ответ маршала на их контрпредложения.

Фош вернулся из своего штаба.

Как в Бельгаре, его и здесь, в поезде, часто вызывают по телефону из Парижа. Вся парижская общественность в большом возбуждении: ответственные государственные деятели боятся, что условия все же составлены слишком жестко и что немцы в конце концов еще могут отказаться от подписания перемирия.

Опять звонит телефон.

Это Мордак по поручению Клемансо.

— Нет, все еще нет,— отвечает из вагона маршала генерал Дестиккер, уже уставший от одних и тех же ответов.

— Господин премьер-министр желает знать, можно ли, по крайней мере, судя по поведению немцев, ожидать скорого ответа?— спрашивает Мордак.

— Они ведут себя очень корректно и примирительно. Якобы стремясь к предотвращению дальнейшего бесполезного кровопролития, они изъявляют готовность указать места мин, заложенных ими в областях, недавно занятых французскими войсками.

— Это слишком любезно, чтобы быть правдой!— вопит Клемансо, сидящий у телефона по ту сторону

провода.— Если они так сговорчивы, то они, повидимому, получили сведения о внутреннем положении Германии, а там несомненно дела плохи. Это, по-моему, хорошее предзнаменование для наших дел. Как бы там ни было, у таких типов трудно предугадать их меры предосторожности.

На одну секунду он задумывается, а затем диктует: «Немецкие уполномоченные перед заключением перемирия должны подписать следующие дополнительные пункты:

- 1) они являются представителями той власти, которая в данный момент существует в Берлине;
- 2) они считают данную власть способной гарантировать проведение перемирия».

Генерал Дестиккер принимает приказ премьер-министра и кладет телефонную трубку. Он сидит в отгороженной стеклянной части вагона-кабинета. По ту сторону находятся Фош и Вейган. Вейган сидит за столом. Фош бегает взад и вперед по тесному помещению.

Опять звонит телефон.

Вызывает полковник Хауз.

Вызывает президент Пуанкарэ.

Вызывает маршал Хэг.

Из вагона немцев приходит один из официантов — приставленных к ним информаторов — с донсеннем: — Немцы совещались, как им поступить в случае, если в Германии не будет составлено новое правительство. Они решили в этом случае ни при каких обстоятель-

ствах условий не подписывать. Они хотят, тогда просить состав для отъезда.

Донесение передается маршалу.

Маршал останавливается.

— Нам необходимо форсировать это дело, — сказал он. — Пишите, генерал! — И он диктует напоминание:

«... разрешите запросить, получили ли господа немецкие уполномоченные согласие германского рейхсканцлера на сообщенные им условия, а если нет, то нельзя ли постараться получить от него безотлагательный ответ...»

Вейган относит это письмо и продиктованное Клемансо разъяснение в поезд немцев. Немного спустя он возвращается. Г-н Эрцбергер ответил, что сообщения о новом правительстве еще не последовало, но что он со своей стороны принял меры к ускорению дела. Что касается требуемого г-ном премьер-министром добавочного разъяснения, генерал фон Винтерфельд заявил, что в случае, если будет получен приказ из германского главного штаба, подписанный Гинденбургом, он сможет быть выполнен!

Наконец, получается ожидаемое известие. Оно приходит не из Берлина, а от генерального штаба в Спа. Авторами его являются Гинденбург и Гренер. Но этого в данную минуту не знают ни французы, ни германские делегаты. Узаконенная затем подпись под этим кратким и решающим ответом (Гренер и Эберт согласовали этот пункт по телефону) гласит «рейхсканцлер»:

«Германское правительство—союзникам.

Германское правительство принимает условия перемирия, предъявленные ей 8 ноября.

«Рейхсканцлер 3084».

Вслед за первой телеграммой летит вторая, тоже подписанная «рейхсканцлер»:

«Германское верховное командование—уполномоченным при главном командовании союзников.

Имперское правительство сообщает главному командованию для передачи статс-секретарю Эрцбергеру следующее:

Ваше превосходительство уполномочено подписать перемирие, благоволите одновременно внести следующее разъяснение:

Германское правительство всеми силами постарается провести предъявленные условия. Подписавшие считают, однако, своим долгом указать на то, что проведение отдельных пунктов этих условий вызовет голод среди населения неоккупированных немецких территорий, оставление в областях, подлежащих эвакуации, всех запасов, предназначенных для пропитания армии, как и связанное с эвакуацией ограничение средств сообщения в условиях блокады делают невозможным снабжение продовольствием и распределение его. Поэтому подписавшиеся просят внести такие изменения этих пунктов, при которых было бы обеспечено продовольствие.

Подп. Рейхсканцлер».

Теперь связь с немецким верховным командованием уже не прерывается. Вслед за первыми двумя телеграммами идет третья, длинная зашифрованная телеграмма, подписанная Гинденбургом.

Текст этой телеграммы передается дальше—немецким уполномоченным, в верховный военный совет союзников в Париже, в канцелярию президента республики, в управление премьер-министра Клемансо.

Клемансо держит в руке лист бумаги, на котором начертана решающая фраза германского правительства. Затем он берет вторую телеграмму, адресованную Эрцбергеру. Он пробегает текст и передает бумагу Мордаку.

— «Протесты! Голод!» Они хотят сохранить свои запасы. Хотят сохранить свои автомобили! Вот уж немцы всегда одинаковы. Никогда они не уйдут просто, вечно еще мудрят. Они прекрасно знают, что подписать условия они вынуждены. Но все-таки они не могут не попытаться вывернуться.

Почему, собственно, делегаты откладывают «подписание условий? Во всяком случае телефонируйте маршалу, чтобы он использовал пришедшее к власти правительство для немедленного подписания условий. Это должно, наконец, закончиться... Будем надеяться, что эта ночь принесет господам немцам решимость.

Генерал Мордак телефонирует.

Дестиккер принимает телефонограмму.

Фош опять посылает своего начальника штаба к немцам. Между тем уже одиннадцать часов вечера.

Маршал, который обычно ложится в девять, еще ждет, пока не вернется Вейган. Последний сообщает, что немцы еще не могут сказать, сколько времени им понадобится для расшифровки телеграммы Гинденбурга.

— Ну, когда дойдет до этого, пожалуйста, позовите!

Маршал уходит в свою кабину. Он снимает с себя только сапоги и гамаша. Одетым ложится на свою койку.

В вагоне-канцелярии остается Вейган. За стеклянной стеной сидит Дестиккер; в следующем отделении находятся офицер-переводчик Лаперш и несколько штаб-офицеров. Несколько раз в дверях появляется длинная фигура английского адмирала Вимайса, а иной раз он присылает начальника морского штаба Хопа узнать о положении вещей.

Немцы все еще не окончили работу.

Уже двенадцать часов.

Уже час.

Стрелка движется к двум.

Волна телефонных переговоров из Парижа убывает. Должно быть в военном совете, в кабинете президента и в главных штабах союзников некоторые из руководителей отправились спать. Даже кабинет премьера уже в течение часа не давал о себе знать.

После двух часов ночи из поезда немцев приходит ординарец — молодой офицер. Он стоит перед своим начальником генералом Вейганом, его воинская осанка

особенно выдержана; дрожащим голосом он докладывает:

— Немецкие представители готовы принять участие в пленарном заседании!

Ровно два часа пять минут.

В два часа пятнадцать минут открывается заседание.

Опять обе делегации сидят друг против друга — Фош, Вейган, Вимаис, Хоп — по одной стороне, Эрцбергер, Оберндорф, Винтерфельд, Ванзелов — по другой стороне и переводчик Лаперш в конце стола. За стеклянной стеной сидит начальник информации Дестиккер со своими сотрудниками. За другой стеной в смежном отделении собрались остальные находящиеся здесь офицеры штаба.

На столе разложены машинописные экземпляры тридцати четырех пунктов условий перемирия; при каждом пункте — контрпредложение немцев и ответ и окончательное утверждение текста Фошем.

Срок эвакуации левобережной Рейнской области Фош удлинил на один день. Число подлежащих сдаче 2 000 самолетов он убавил до 1 700 — было установлено, что у Германии нет больше. Также слишком высокая цифра в 160 назначенных к сдаче подводных лодок была заменена формулой: «все имеющиеся в данный момент подводные лодки». Количество подлежащих сдаче грузовых автомобилей снижено пока до 5 000, с тем чтобы часть осталась для обслуживания эвакуации. Число потребованных 30 000 пуле-

метов тоже было изменено. На отдельных собеседованиях немцы указывали на то, что «тогда нечем было бы стрелять в случае надобности по немецкому народу». Этот аргумент Фош признал резонным. После обмена мнениями с Клемансо он оставил в руках немецкого командования 5 000 пулеметов и сбавил число подлежащих сдаче пулеметов до 25 000.

Генерал Вейган зачитывает текст договора о перемирии. Каждая статья переводится и обсуждается. Возражения немцев относятся не к содержанию тезисов, а лишь к технической стороне их выполнения. Только в этом плане Фош допускает разговоры.

При обсуждении восточно-африканского вопроса Ванзелов через стол спрашивает:

— Разрешает вам ваша честь обезоруживать противника, которого вы не победили?

Фош вполголоса советуется с Вейганом.

И, меняя текст, решает: «Восточно-африканская армия может сохранить оружие и отойти к берегу».

По вопросу о блокаде говорит Эрцбергер:

— Блокада как одно из проявлений английской политики: «брать измором» нанесла немецкому народу тяжкий вред. В последнее время с особенной силой свирепствующий благодаря недостаточному питанию грипп унес множество молодых жизней. Неужели и теперь, на время перемирия, война против наших женщин и детей должна продолжаться? Союзникам от этого не будет никакой пользы. Здесь следовательно на плечах немецкого народа оставалось бы

бремя, не оправдываемое стратегической необходимостью...

— Блокада остается в силе! — категорически заявляет Вимайс.

— Это недостойно! — восклицает Оберндорф.

— Это недостойно? А кто топил без разбору наши корабли?

Маршал Фош закуривает сигару; ни он, ни его начальник штаба Вейган не принимают участия в споре, поднявшемся вокруг вопроса о блокаде и продолжавшемся более часа. Фош сидит, откинувшись в своем кресле; он вполне понимает, что немцы со всей страстностью восстают против этого выставленного англичанами пункта. В сообщениях своему правительству он неоднократно высказывался против включения этого пункта в условия перемирия.

В конце концов блокада утверждена в полном объеме. Немецкие торговые суда, которые попадутся на море, должны быть захвачены. Маршал смягчает параграфы об утверждении блокады только вставкой:

«Союзники и Соединенные штаты намерены во время перемирия снабжать Германию продуктами в количестве, признанном необходимым».

Восемь пунктов остается еще для обсуждения.

Эти пункты только зачитываются и принимаются сразу.

Фош вынимает часы: 5 часов 12 минут.

Он предлагает принять 5 часов за время заключе-

ния перемирия: «...с тем, чтобы перемирие наступило спустя шесть часов, то есть в 11 часов».

Он предлагает последнюю страницу написать от руки и эту последнюю страницу затем подписать, так как переписка всех условий задержала бы на несколько часов.

Для этого делают перерыв.

Фош покидает вагон. Вимаис и Хоп встают. Эрцбергер набрасывает текст разговора по радио с высшим командованием. Генерал Дестиккер вызывает кабинет председателя министров в Париже и сообщает генералу Мордаку, что немцы приняли условия.

И вот в Париже начинает звонить телефон. Сообщают председателю министров, президенту республики Пуанкаре, представителю Вильсона полковнику Хаузу, американскому генералу Блиссу, Ллойд-Джорджу, Орландо... Клемансо обнимает генерала Мордака, Пуанкаре плачет, Хауз (которому следовало бы знать, что именно его правительство переправило через Атлантический океан на шикарном пассажирском пароходе, нагруженном военными снарядами, отборное общество) говорит: — Наши жертвы на «Лузитании» отомщены! Начальник американских войск Блисс выражает сожаление по поводу того, что он так поздно приехал в Европу.

Передаваемые Дестиккером известия распространяются с большой быстротой. Они несутся по тысячам проводов и каналов из главных штабов к спящему городу. На бульварах собираются толпы людей, фран-

цузских, бельгийских, американских солдат. За окнами больших отелей вдруг вспыхивают огни. И когда закачался один из церковных колоколов, это послужило как бы первым порывом того гула, который пять часов спустя — к одиннадцати утра — несется со всех колоколен над спасенным Парижем.

В вагоне-канцелярии маршала на столе лежит последняя страница соглашения. Маршал Фош подписал ее. Адмирал Вимайс сначала пробует перо, затем он выводит свою фамилию и дает бумагу переводчику, который передает ее Эрцбергеру. Эрцбергер подписывает свою фамилию под документом и не понимает, что он этим самым подписывает себе смертный приговор! После Эрцбергера очередь за графом Оберндорфом. Затем — генерал фон Винтерфельд и капитан Ванзелов, у которого при подписании дрожат руки.

Фош выглядит изнуренным — за свою жизнь он вторую ночь проводит без сна. Вейган сохраняет свое обычное любезное выражение лица. Сэр Вимайс не пропускает ни одной подробности совершающегося исторического акта. Единственный человек, который опускает глаза перед взглядом побежденных, с трудом сохраняющих самообладание, — это переводчик Лалерш, который и во время трехдневных переговоров иногда смягчал чрезмерную остроту выражений.

Эрцбергер зачитывает еще одно дополнение.

Признание проявленной в некоторых пунктах уступчивости, вторичное указание на краткость сроков, предназначенных для эвакуации, и предупреждение еще

раз о том, что такая эвакуация неминуемо должна привести немецкий народ к анархии и голоду.

Свое пояснение он заканчивает словами:

— Семидесятимиллионный народ страдает, но не умирает!

— Très bien¹, — отвечает маршал Фош.